

Ильяш Караимович, Тимош Хмельницкий и М. Кизилов

Александр Бабаджан

Религиозная объединённая община «Чолпан»

Il'yash Karaimovich, Timosh Khmel'nitskiy and M. Kizilov

Summary: This paper contains a discussion together with the conclusions and assumptions presented in M. Kizilov's article entitled *Ильяш Караимович и Тимофей Хмельницкий; кровная месть, которой не было*. The present paper endeavours to prove that M. Kizilov forged the sources he used in order to defame the person of Seraya Shapshal and other Karaites leaders.

Keywords: Il'yash Karaimovich, Timosh Khmel'nitskiy, Seraya Shapshal, Karaites, Mikhail Kizilov

Одним из активных ревизионистов истории восточноевропейских караимов является Михаил Кизилов. В его работах наблюдаются не только попытки отвергнуть выводы предыдущей историографии, но также — что особо обращает внимание — резко эмоциональный тон и далекие от научной объективности оценки. Это особенно касается его статьи, посвященной командиру казаков Ильяшу Караимовичу и его связям с караимами. Она была опубликована автором в 2009 г. (Кизилов 2009). С небольшими изменениями вновь опубликована два года спустя в постконференционной публикации *Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов* (Москва 2011). Кизилов написал: «Начиная приблизительно с межвоенного периода и вплоть до наших дней, караимские националисты стараются представить мирное караимское население Восточной Европы

в роли „неустрасимых и храбрых воителей“...» (Кизилов 2009: 60–61). Опираясь на этот удивительный тезис, он рассматривает все публикации как нуждающиеся, по его убеждению, в «исторической ревизии». Опубликованную Сераей Шапшалом в 1955 г. рукописную запись, касающуюся пребывания сына Богдана Хмельницкого в Бахчисарае и связи с этим караимов — Кизилов называет «фальшивкой», а самого С. Шапшала — «фальсификатором». Любые предположения, предполагающие караимское происхождение И. Караимовича, он отвергает как абсурдные.

Об Ильяше Караимовиче

Впервые казацкий полковник Ильяш Караимович встречается в русских источниках во время русско-польской войны в 1633–1634 гг. Что существенно, в русских документах он называется «Ильяш Черный» (Папков 2004: 158–159), что может быть связано с кыпчакским происхождением (*кара*) его имени.

Одним из основных источников информации об Ильяше Караимовиче является дневник Симона Окольского (1858), который в 1637–1638 гг. в качестве полкового священника сопровождал польские войска в походах против восставших запорожцев. В дневнике приводятся описания событий, тексты документов этих походов. На стр. 66–68 имеется текст присяги, которую приняли Ильяш Караимович и другие казаки, в том числе и писарь Богдан Хмельницкий, который и подписал эту присягу от всех казаков. В тексте имя Ильяша написано «*Iljasz Karaimowicz*» и во всех упоминаниях его автором имя пишется именно так. Только в четырех местах, где приведен текст обращений казаков к польскому командованию, имя изменено и начинается с «Не» или «Е». Так что можно с уверенностью утверждать, что «*Iljasz Karaimowicz*» — правильное написание имени, с которым был согласен Ильяш. В документах, приводимых Окольским, и в украинских летописях нет Вадовского, а у Альбрехта Радзивилла именно Ильяш называется Вадовским (Radziwiłł 1839: 290), поэтому старые польские историки, напр. Фр. Равита-Гавронский (Rawita 1906: 74) используют «Вадовский» как фамилию Ильяша. Это ошибка, скорее всего, возникшая при печати — речь идет о двух различных людях, о чем Кизилов как профессиональный историк должен знать. А. Мардкович, автор брошюры *O Iljaszu Karaimowiczu zwierzchniku wojsk zaporoskich*, полностью основывался на «Дневнике» С. Окольского, о чем он и пишет в начале своей работы. Он дал правильную форму имени казацкого командира (Mardkowicz 1931).

В работе В.А. Голобуцкого (1957: 214) встречается первое упоминание Ильяша: «Яцко Остринин был заменен Ильяшем Караимовичем. Последний собрал две тысячи реестровцев и привел их в Батурин, где формировали войско Иеремия Вишневецкий и Лука Жолкевский. ... В феврале 1634 г. Вишневецкий и Жолкевский со всем набранным войском вторглись в Комарицкую волость и обложили Севск». Т. е. в 1633 г. поляки заменили гетмана Остринина на Ильяша, чтоб он собрал казацье войско для нападения на Россию, и он, собрав его, участвовал в походе Вишневецкого. Но вскоре казаки ушли на Украину, скорее всего избрав нового гетмана, как сделали 8 июня 1633 г. под Путивлем (Голобуцкий 1957: 213–214). А. Папков так же отмечает: «Примечательно, что в расспросных речах Ильяша именуют то полковником, то гетманом» (Папков 2004: 159).

Далее Ильяш участвовал в подавлении казацкого восстания под предводительством Павлюка в 1637 г. У Окольского Ильяш вначале упоминается без должности, а после ареста Павлюка происходит временное назначение его полковником. Голубицкий пишет: «Тут же Потоцкий назначил новую реестровую старшину. Старшим реестра был объявлен Ильяш Караимович, войсковым писарем — Богдан Хмельницкий, судьями — Богдан и Куша, есаулами — Федор Лютай и Левко Бубновский, полковниками — Я. Гугнивый (черкасский), А. Лагода (каневский), Г. Хомович (чигиринский), М. Нестеренко (корсунский), И. Караимович (перяславский) и Яцына (белоцерковский)» (Голобуцкий 1957: 232). У Окольского приведен текст присяги, которую казаки дали полякам. Там находится и описание этих назначений (Okolski 1858: 66–68). Бумага с присягой от имени казаков была подписана Богданом Хмельницким. Фактически поляки опять назначили Ильяша гетманом реестровых казаков.

5 мая 1638 г., при штурме Голтвы на реке Псел, Караимович был ранен и его отряд практически уничтожен (Голобуцкий 1957: 238). Аналогично описание Окольского (1858: 98–102).

Среди казацких полковников, подписавших в сентябре 1638 г. пункты Киевского соглашения, приведенного Окольским (1858: 187–188), Ильяша нет. А в окончательном списке реестровых казаков (1858: 191–196), датированном 4 декабря 1638 г., Ильяш является есаулом перяславским (1858: 193). И в дальнейшем Ильяш упоминается как есаул. «В апреле 1646 г. в Варшаву прибыли войсковые есаулы Иван Барабаш и Ильяш Караимович, полковой есаул Иван Нестеренко Бут и Чигиринский сотник Богдан Хмельницкий» (Голобуцкий 1957: 253).

Так что Ильяш был полковником и главой всех реестровых казаков, временно назначаемым польским командованием во время польских походов. Гетмана и полковников казаки избирали, а Ильяша и других «по условиям капитуляции» назначили поляки после победы над казаками, как отмечает В. Голубуцкий (1957: 232) — оскорбление обычаев казаков, и их при первой возможности переизбрали и постарались забыть, поэтому найти в украинских архивах упоминания переяславского полковника Ильяша Караимовича маловероятно. Он относился к казачьей старшине и был переяславским есаулом.

По вопросу национальности Ильяша документов пока не найдено. Но поляки хорошо знали караимов, т.к. в Великом Княжестве Литовском были караимские поселения, они служили при княжеском дворе, у части знати караимы были домашними врачами, так что «Караимович» определяло караимское вероисповедание. У караимов в Польше, как и в Великом Княжестве Литовском, не требовали при службе менять своего вероисповедания. Историк XIX века Н.И. Костомаров отмечает, что украинская летопись называет Караимовича армянином, но может быть он «...караим, как можно судить по прозвищу» (Костомаров 1994: СХХVII–СХХVIII). Так же считал М.А. Максимович, писавший еще в 1859 г.: «Фамилия Ильяшева — *Караимович* — показывает, что он был сын или внук Караима; но в Летописи Самовидца сохранилось народное прозвание ему *Армянчик*, данное по близости двух племен» (Максимович 2004: 196). На Украине мало знали эту самостоятельную религию и можно предположить, что рассказы, со слов которых были записаны события в украинских источниках, знали, что Ильяш иноверец и знали, что он не был ни православным, ни католиком, ни мусульманином, ни евреем, но зная армян с их иной религией, предполагали в Ильяше армянина. Тем более это вероятно, что караимы и кыпчакоязычные армяне, проживавшие на территории Украины, пользовались близкими кыпчакскими языками. Но это всего лишь гипотеза.

Живя в бурлящей Украине, Ильяш и Барабаш опасались бунта собранного казачьего войска, чего не понимал король, поэтому спрятали королевский универсал. А чего они опасались, реально показал Б. Хмельницкий, выкравший универсал, собрав войска, выступив против Польши, а Барабаш и Караимович за верность присяге заплатили жизнью.

Так описывает В. Голубуцкий гибель Караимовича ночью с 3 на 4 мая 1648 г.: «...как только лодки Барабаша появились у Каменного Затона (совр. с. Днепрокаменка, Днепропетровской обл.), предложили реестровцам покинуть панов и перейти на сторону восставших. Реестровцы, несмотря на

запрет старшин, создали „чернецкую (черную) раду“. Барабаш, Ильяш и другие старшины с оружием в руках кинулись на казаков, но были схвачены ими и казнены. ... Выбрав себе за старшего Филона Джалалия, со всем провиантом и пушками (полевых пушек у реестровцев было более 10) двинулись на помощь запорожцам к Желтым Водам» (Голобуцкий 1957: 266–267).

Переговоры Хмельницкого в Крыму

Теперь обратимся к материалу, посвященному переговорам Хмельницкого в Крыму, в 1648 г.

В Голобуцкий пишет: «Вскоре возобновились переговоры с Крымом. На этот раз в Бахчисарай поехал сам Хмельницкий с сыном Тимофеем и двумя другими казацкими посланцами. ...Хмельницкий предъявил татарам королевский универсал, призывающий казаков к походу на Крым» (Голобуцкий 1957: 262). Б. Хмельницкий просил помощи у хана против Польши. В летописи Самуила Величко так описана причина, из-за которой Тимофей остался в Бахчисарае. Хан «...долго зъ тимь розмишлялся и изъ мурзами своими совѣтовалъ, чи дати войска Хмелницкому, чили недати. Бо домишлялся Ханъ и того, же Хмелницкій чи не нарочно отъ Ляховъ въ Крымъ виправленъ, чтобы обманомъ вывести Орду въ Полщу, и черезъ готовій войска Лядскіи оную вигубити» (Величко 1848: 45). Узнав об этом Б.Хмельницкий передал хану, «же нетилко готов на томъ присягнути, ижъ безъ жадной обмани и лести потребуеъ войска Крымского на Поляковъ, але и сина своего при боку Ханскомъ, для лучшаго вѣроятія, въ закладѣ зоставити готовъ есть» (Величко 1848: 45).

Далее у Голобуцкого: «Хан Ислам-Гирей согласился оказать помощь казакам и велел готовиться к походу перекопскому мурзе Тугай-бею. ... Около середины февраля Хмельницкий, оставив сына заложником у хана, вернулся в Сечь» (Голобуцкий 1957: 264).

У С. Величко это событие описано более подробно: «По проводахъ Воскресенскихъ заразъ упросил Хмельницкій Хана о отпускъ себе зъ Крыму на Украину; и приведши сына своего старшого Тимоша предъ Хана, вручилъ ему въ опеку и въ закладъ до времени приличного; которому Ханъ на той же кварталѣ въ Арменина велѣлъ жити, гдѣ и самъ Хмелницкій стоялъ и що день велѣлъ ему предъ лице свое являтися, а зъ дворомъ его Ханскимъ и зъ мурзами Крымскими обознаватися...» (Величко 1848: 47).

Как видим вопроса, был ли Тимофей заложником в Крыму и жил ли он в Бахчисарае у армянина, нет, т.к. это зафиксировано в летописи и обосновано.

Практика заложников была распространена как на Востоке, так и на Западе и без заложника хан не дал бы войск, слишком этот поход был похож на ловушку для татар.

В апреле войска Тугай-бея пришли на Украину. Они участвовали в битвах: при Желтых Водах — 4 мая, при Корсуне — 15 мая 1648 г. И только в июне часть татар ушла из Украины с добычей, а часть, с вновь пришедшими под началом Тугай-бея силами, вместе с Хмельницким ушла к Поволоче, где были до 19 августа (Величко 1848: 99). Костомаров сообщает, что только 21 сентября к Хмельницкому на реке Пилявка пришел отряд татар «4000 человек с Карабчей-мурзою и сыном Хмельницкого» (Костомаров 1994: 263). Так что было кому принести весть о гибели Ильяша в Крым, пока еще несколько месяцев после этого Тимош оставался заложником в Крыму. А мстить за героя желающие всегда среди молодежи найдутся.

Как видно из сказанного выше, Кизилев называет сфальсифицированными факты, зафиксированные в исторических источниках, при этом не приводит никаких свидетельств, опровергающих эти факты, и опирается на эти же источники. Его собственные комментарии часто отличаются от фактического состояния знаний.

Он утверждает, что практики «кровавой мести» в Крыму не существовало. Однако, В. Возгрин пишет: «В Крыму же власть терэ, этого древнего, домусульманского права, распространялась и на экономические, и на личностные отношения, была заметна повсюду. Так, от наказания за убийство можно было откупиться, но сохранялся и такой родовой пережиток, как кровная месть (родственники убитого обязаны были зарезать убийцу на могиле жертвы)» (Возгрин 1992: 172). Тоже в Книге Чисел (гл. 35 ст. 19–21) описывается право мщения за кровь сознательно убитого, «мститель за кровь может умертвить убийцу, лишь только встретит его».

В своих более ранних публикациях Кизилев утверждал, что никогда не существовал караимский род Узунов. Караимские метрические книги свидетельствуют обратное. Впервые информация о происхождении Ильяша Караимовича из рода Узунов была опубликована С. Шапалом уже в 1914 г. ([Шапшал] 1914: 437). Кизилев ошибается, утверждая, что это было в 1918 г.

Черновик С. Шапшала

Дело № 918 фонда F 143 с тетрадью — не «Дневник», как пишет Кизилев (Кизилев 2009, 51), а «Выписки из разных сочинений, касающиеся караимской литературы». Более конкретно, это аккуратно переписанные статьи из

«Еврейской энциклопедии», где упоминаются караимы, с точным указанием реквизитов статей, номеров томов, страниц и годов издания для использования при цитировании (тогда еще не было ксероксов и Интернета).

Положение караимской общины при различных ханах было разным, одни ханы притесняли караимов, другие — прятались у караимов от своих врагов, при нападении или междоусобицах, и даровали привилегии (1890), награждали, доверяли возглавлять монетный двор. Автор называет «тысячи источников», но это караимские документы архивов Духовных Правлений 19-20 вв. Все более ранние написаны газзанами (священниками) и касаются богословия, среди них масса молитвенников, и очень редкие и скудные мемуары караимов или посетивших караимов иностранцев. Изучение фольклора, народных обычаев, поверий началось с конца 19 века, когда многое национальное было утеряно из-за влияния русской и европейской культуры и собиралось — собирается по крупицам. Но автор призывает изучать народную культуру по книгам богословов. Он не признает тюркского происхождения крымских караимов, хотя в первой половине 20 века были проведены антропологические (Gini 1936; Reicher 1932; Steiniger 1944), лингвистические (Kowalski 1929) исследования караимов, доказавшие тюркское происхождение караимов. Но даже религию караимов автор не признает самостоятельной, хотя это было признано и в России, Польше, Германии (*Сборник* 1890, *Ustawa* 1936, Steiniger 1944).

Автора смущает использование в тексте слова *Эрби* без имени. В сноске С. Шапшал склоняется к предположению, что это имя собственное: «Здесь употреблено как имя собственное, а на самом деле это слово означает у караимов лицо духовного звания» (Шапшал 1955: 145). Слова *фюрер, маршал, царь* без имени его не смущают, когда большинство сразу понимает, что это Гитлер, Пилсудский, Николай II. В Тракай на протяжении многих десятилетий 20 века слово *Газзан* означало С.А. Фирковича, который с 1920 г. и до своей смерти в 1982 г. исполнял обязанности священника. В обиходе звание было достаточным и использовалось оно многие десятилетия. До сих пор используется выражение *дом Газзана*. Так что слово *Эрби* означает очень уважаемого караимского учителя-богослова, которого тогда знали все и каждый.

Теперь о самих черновиках. В 1927 г. С. Шапшал был в Стамбуле, но доступа к молитвеннику из Карай Битиклиги у него не было. Многие он пытался восстановить по памяти, поэтому возможны ошибки.

И С. Шапшал перед текстами этой попытки восстановления (F143, № 918, 2r) карандашом написал: «За утерей тщательно сохранившихся

мною записок, забвением точных дат событий, воспоминания мои, хотя и не претендуют на фотографическую точность, тем не менее они содержат в себе действительные факты и изображают портреты и картины, писанные с натуры» (F143, № 918, 1v). Об этом Кизиллов знал, однако же, пользуется записью С. Шапшала в другой статье (Зайцев & Кизиллов 2013: 26), не относя к обсуждаемому тексту.

У автора нет доказательств, что не существует еще одной записи текста старой записи, сделанной до отъезда из Крыма в 1919 г. и временно затерявшейся в бумагах и книгах, вывезенных из Крыма, а затем найденной, на основании которой была напечатана статья. Он даже не нашел черновика этой статьи в архиве С. Шапшала, т.к. там более 1650 папок, а просмотрена лишь малая часть. Кроме того, если делается фальшивка, то она делается для публикации и печатается, а С. Шапшал ее не опубликовал ни в Турции, ни в Польше, когда в его распоряжении был журнал и много других возможностей, а опубликовал только в 1955 г. в СССР, где каждая публикация встречала множество преград. Что-то можно будет сказать, когда будет найден сам молитвенник с записью, а пока все обвинения — это клевета, удел папарацци, а не ученого.

Фальсификатором назван Авраам Фиркович «на поприще подделывания документов» (Кизиллов 2009: 45), но существует статья В.В. Лебедева (Лебедев 1987) с результатами современной экспертизы документов собраний А. Фирковича, доказывающими, что он фальсификациями не занимался. Опровержения этой экспертизы нет.

Фальсификатором назван и Авраам Леонович, утверждавший на основании записи в караимском молитвеннике, хранящемся сейчас во Львове, что караимы в Галиче поселились в 1246 г. при Даниле Галицком. В 1978 г. опубликована статья Я. Дашкевича под фамилией Степанова (1978), в которой была доказана подлинность этой записи.

Возмутительно замечание автора по поводу фальсификации С. Шапшала письма графа Г. Жевуского о пребывании А. Мицкевича в Крыму, т.к. в статье говорится, что информация о нахождении письма в семейном архиве Иозефа Шашкевича получена от проф. Мариана Здоховского. При помощи проф. Тадеуша Ковальского было получено фото всего письма и разрешение на его публикацию. Статья С. Шапшала с текстом письма была опубликована при жизни этих людей, и они получили журналы с публикацией. Так о какой фальсификации С. Шапшала может идти речь?

Кизиллов не скрывает своего эмоционального отношения к личности С. Шапшала. С иронией относится он к предполагаемо особенно

помпезному титулу («особенно помпезно») *Jego Ekscelencja*. Однако это было официальным государственным наименованием главы караимской религии в Республике Польше. Незнание этого основного факта говорит об уровне научных знаний автора.

Вообще вся статья Кизилова изобилует необоснованными утверждениями, заключениями, обвинениями, клеветой, что явно несовместимо с наукой. Такое впечатление, что автор начитался бульварных статей и пытается в науке применять методики и технологии СМИ для насаждения определенных взглядов. Автор забыл, что целью науки является истина, и любого, кто предает эту цель, наука безжалостно выбрасывает в отвал, хотя автор со всеми своими «произведениями» уже давно в отвале. Но не это самое печальное, а то, что автор давно осознал, где он находится и решил очернять, клеветать и мстить народу, за ложь и фальсификации на который он оказался в отвале.

Библиография

- Величко, Самоил, *Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке*. Т. 1. Киев 1848.
- Возгрин, Валерий Е., *Исторические судьбы крымских татар*. Москва 1992.
- Gini, Cogrado, *I Caraimi di Polonia e Lituania*. — «Genus» 1936, т. 2, № 1–2, с. 1–56.
- Голобуцкий, Владимир А., *Запорожское казачество*. Киев 1957.
- Кизилов, Михаил, *Ильяш Караимович и Тимофей Хмельницкий; кровная месть, которой не было*. — «Karadeniz Araştırmaları» 2009, т. 6, № 22, с. 43–74.
- Костомаров, Николай И., *Богдан Хмельницкий*. Москва 1994 [первое издание СПб. 1857].
- Kowalski, Tadeusz, *Karaimische Texte im Dialekt von Troki*. (= Prace Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademii Umiejętności № 11), Kraków 1929.
- Лебедев, Виктор В., *К историко-лингвистической оценке некоторых рукописей собрания А.С. Фирковича*. — «Палестинский сборник» 1987, вып. 29 (92), с. 57–63.
- Mardkowicz, Aleksander, *O Pjaszu Karaimowiczu zwierzchniku wojsk zaporoskich*. Łuck 1931.
- Максимович, Михайло, *Письма о Богдане Хмельницком*. — С. Головки (гл. ред.), *Вибрані твори*. Київ 2004 [первое издание Москва 1859].
- Okolski, Szymon, *Dyaryusz transakcyi wojennej między wojskiem koronnem i zaporoskiem w roku 1637*. Изд. К. J. Turowski. Kraków 1858.
- Папков, Андрей И., *Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века*. Белград 2004.
- Radziwiłł, Albrecht Stanisław, *Pamiętniki*. Изд. E. Raczyński. Т. 2. Poznań 1839.
- Rawita Gawroński, Franciszek, *Bohdan Chmielnicki do elekcyi Jana Kazimierza*. Lwów 1906.

- Reicher, Michał, *Sur les groupes sanguins des Caraimes de Troki et de Wilno*. — «Anthropologie» 1932, т. 10, № 1–4, с. 259–267.
- Сборник старинных грамот и узаконений касательно прав и состояния русско-подданных караимов*. Предисловие В. Смирнов. СПб 1890.
- Steiniger, Franz, *Bilder von Karaimen und Tataren in Ostland*. — «Natur und Volk» 1944, т. 77, № 10, с. 39–48.
- Stepaniw [Dashkevich], Jaroslav, *L' époque de Danylo Romanowycz (milieu du XIIIe siècle) d'après une source Karaïte*. — «Harvard Ukrainian Studies» 1978, т. 2, № 3, с. 334–373.
- Ustawa o stosunku Państwa do Karaimskiego Związku Religijnego w Rzeczypospolitej Polskiej*. — «Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej» 1936, № 30, с. 548–552.
- [Шапшал, Сергей М.], *Кыркъ-Ерѣ*. — *Военная энциклопедия*. Т. 14. Петербургъ 1914, с. 437.
- Шапшал, Сергей М., *О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму*. — «Вопросы истории» 1955, № 8, с. 144–146.
- Зайцев Илья В., Кизилов Михаил Б., *Путешествие Серая Шапшала по Турции в 1911 году*. — «Восточный архив» 2013, № 1 (27), с. 25–34.